

Переводы

Леопольд фон Ранке: рождение историзма

Виталий А. Куренной

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7198-0910

Рекомендация для цитирования:

Куренной В. А. (2024) Леопольд фон Ранке: рождение историзма. *Социология власти*, 36 (3): 180-214 <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-180-214>

For citations:

Kurennoy V. A. (2024) Leopold von Ranke: The Birth of Historicism. *Sociology of Power*, 36 (3): 180-214 <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-180-214>

Поступила в редакцию: 20.08.2024;
прошла рецензирование:
26.09.2024; принята в печать:
29.09.2024
Received: 20.08.2024; Revised:
26.09.2024; Accepted for publication:
29.09.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

Для XIX в. — «века историков» — характерно формирование масштабного явления, которое получило название «историзм»¹. Последний представляет собой специфически современный исторический тип сознания, альтернативный по всем основным позициям унитарному рационализму Просвещения. Появление историзма не означало вытеснение просвещенческого типа рационализма: с точки зрения базовой интеллектуальной структуры модерн как таковой является пространством, где соприисутствуют обе эти позиции, при этом, впрочем, историзм имеет аргументативные ресурсы для того, чтобы считать себя системой взглядов, включающих в себя основные элементы рационализма, хотя и в ограниченном, «снятом», выражаясь языком Гегеля, виде. На всем протяжении эпохи модерна можно проследить как периоды сбалансированного сосуществования логик просветительского рационализма и историзма, так и периоды, где унитарный рационализм вновь пытается установить свое исключительное господ-

1 В частности: [Майнеке 2004; Трёлльх 1994; Iggers 1968, Oexle, Rüsen 1996; Beiser 2011; Schubert 2021].

ство, что неизбежно вызывает ограничивающую эти притязания реакцию историзма.

Если допустить, что мы все еще находимся в рамках полноценного модерна, сочетающего обе его указанные конститутивные составляющие (а мы полагаем, что это так), то следует также предположить, что реакция на господствующий до последнего времени комплекс идей, представляющих собой перелицованный извод просвещенческого рационализма, неизбежно будет ограничена реакцией историзма. Для того чтобы лучше понять характер и логику этого процесса, стоит обратиться к моменту зарождения современного историзма и его классикам, поскольку классика имеет несомненное достоинство законченности и простоты формы. Леопольд фон Ранке (1795–1886) является одной из ключевых фигур нарождающегося историзма. Тем самым мы выполняем блистательное отсутствие на русском языке некоторых его ключевых работ и их новых переводов¹, равно как и сколько-нибудь заметных следов рецепции его идей в русской культуре, которая и в отношении его наследия часто ограничивается цитированием одного-двух афоризмов и их вольным толкованием. Ситуация начала меняться лишь в последние годы, после выхода в свет объемной монографии историков Ивановского государственного университета [Черноперов, Усманов вольным толкованием. Наконец, пример Ранке позволяет раскрыть некоторые ключевые характеристики историзма как системы теоретических взглядов и как способа понимания мира, сохраняющего, на наш взгляд, свою неизменную актуальность в современном мире.

Леопольд фон Ранке является одним из основателей истории как современной научной дисциплины², а также ключевой фигурой

181

1 Настоящая статья, как и новый перевод Ранке, является элементом более широкоформатной публикации. В нее входит также находящееся в печати издание: Ранке Леопольд фон. Великие державы. М.: Праксис, 2024 (Библиотека журнала «Россия в глобальной политике»). Это издание, помимо моего предисловия, посвященного, прежде всего, политической теории и политическим взглядам Ранке, включает также перевод его основных работ о политике: «Великие державы», «О влиянии теории» и «Разговор о политике». Некоторые ремарки, содержащиеся в настоящей статье, отсылают к этому изданию переводов и предисловия к нему, эти тексты являются взаимодополняющими элементами целостной работы.

2 Что большая редкость в англо-немецких научных отношениях, это признавал даже его младший современник Джон Актон, отмечавший, что Ранке не только написал «большое число в основном превосходных книг — больше, чем кто-либо из живших людей, но и с самого начала приложил все усилия, чтобы объяснить, как это делается. Он достиг положения, не имеющего себе равных в литературе, не столько благодаря проявлению выдаю-

немецкой исторической школы и современного историзма как такового. Столь значимый вклад в сциентизацию истории, снискавший ему общественный титул «короля историографии» и «инкарнации исторического чувства», объясняется не только личными заслугами Ранке и его необычайной авторской продуктивностью, но и объективными институциональными факторами. Ранке в течение 46 лет был профессором Берлинского университета, с 1825 г. — экстраординарным, с 1834 г. — ординарным¹. Берлинский университет был образован в 1810 г. под административным руководством Вильгельма фон Гумбольдта и стал прототипом современного исследовательского университета, в котором научное исследование превращается в ведущий институциональный императив. Поэтому неслучайно процесс рефлексивного переосмысления и обоснования университетской деятельности в качестве научной в современном смысле слова во многих дисциплинарных сферах, таких как классическая филология, история, философия, юриспруденция, был инициирован именно здесь, сопровождаясь философско-теоретическим размежеванием этих научных дисциплин, заявляющих о своей самостоятельности.

182

Этот процесс шел одновременно с формированием современной инфраструктуры научной коммуникации, а именно — дисциплинарных научных журналов. Здесь Ранке также является пионером в своей области. Несмотря на то что его «*Historisch-politische Zeitschrift*» (Историко-политический журнал, 1832–1836) не был чисто научным, выполняя, как прямо явствует из самого названия, также и политическую функцию, тем не менее именно он считается предтечей современных научных журналов по истории².

щихся способностей, сколько благодаря совершенному владению секретом своего ремесла, и этот секрет он всегда стремился передать другим. Для его наиболее выдающихся предшественников история была прикладной политикой, изменчивым законодательством, религиозным поучением или школой патриотизма. Ранке был первым немцем, занимавшимся ей исключительно ради нее самой» [Acton 1886: 13].

1. Столь длительное ожидание полной профессуры объясняется не отсутствием признания заслуг Ранке со стороны министерства и университета, а периодом финансовых и организационных сложностей, переживаемых Берлинским университетом в этот период [Berg 1968: 24–26].
2. Таких как «*Jahrbücher des deutschen Reiches unter dem Sächsischen Hause*» (Ежегодник германской империи при саксонской династии, 1837–1840) — журнал учеников Ранке, переросший затем в баварский «*Jahrbücher der Deutschen Geschichte*» (Ежегодник немецкой истории, с 1862 г.), «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» (Журнал исторической науки, 1844–1848) и «*Historische Zeitschrift*» (Исторический журнал, с 1859 г.).

Наконец, широкую славу в дисциплинарных кругах принес Ранке также его научный семинар, который он начал проводить с 1833 г. — у себя дома по утрам¹. В рамках семинара студенты, добровольно на него записавшиеся, осваивали критический метод Ранке путем самостоятельной работы с текстами. И если в истории немецкой университетской культуры Ранке считается образцом никудышного лектора², в рамках свободной научной работы на семинаре он преображался: все отзывы учеников о его семинаре являются восторженными и благодарными. При этом «он был строг в своих рецензиях и неустанно прививал ученикам три своих принципа — критичность, точность и проницательность» [Berg 1968: 55].

Здесь, разумеется, не место даже для самой общей характеристики всей научной работы Ранке³ — одного из наиболее плодovitых

- 1 [Neugebauer 2018: 185.] Сегодня мы считаем форму семинара само собой разумеющейся в высшей школе, однако до XIX в. семинары существовали в рамках лишь одной дисциплины — классической филологии, позаимствовавшей этот формат у теологов. Появление семинаров в других дисциплинах постепенно происходило лишь на протяжении XIX в. Характерно, что филологический семинар в Берлинском университете, который первоначально вел Август Бёк, был институционализирован и финансировался [Poiss 2009], тогда как семинар Ранке проводился по его собственной инициативе. При этом успех приватного семинара Ранке «парадоксальным образом привел к тому, <...> что Берлин стал одним из последних университетов, в котором появился “исторический семинар”» [Berg 1968: 52 (Anm.)]. О становлении института семинаров в немецких университетах в целом см.: [Broske 1999]. Появление семинаров по истории и философии указывает на процесс филологизации этих дисциплин.
- 2 Выразительное описание лекционной манеры Ранке оставил наш соотечественник Степан Ешевский, резюмировавший свои впечатления следующим образом: «В общем, нужно хорошо знать и уважать Ранке как писателя, чтобы иметь терпение долго слушать его как профессора и не уйти после первой же лекции с твердым намерением никогда не возвращаться в аудиторию» [Eševskij 1968: 220]. Впрочем, существуют и противоположные, вполне положительные отклики о лекциях Ранке.
- 3 Помимо бесчисленных публикаций, затрагивающих те или иные аспекты наследия Ранке, существуют два основных обобщающих труда, стремящихся в целом представить состояние достигнутого уровня исследований жизни и деятельности Ранке, проанализировать его последующую рецепцию, а также ввести в научный оборот ранее неопубликованные источники, — это работа Ганса Гельмонта [Helmolt 1921] и обширный — почти 1500 страниц — труд Иоганна Гюнтера Хенца [Henz 2014]. Хенц пользуется репутацией наиболее вьедливого знатока наследия Ранке: например, после его разгромной рецензии был отозван и полностью переработан первый том критического издания переписки Ранке (см. предисловие к новому изданию: [Ranke 2016]) — исключительный случай для такого рода проектов. Однако его двухтомник, несмотря на огромный охват материала,

историков современности, оставившего после себя еще и один из самых полных архивов, документирующий его жизнь и труды. Тем не менее зафиксируем основные особенности его историографии¹ и ее методологических особенностей², проливающие свет на некоторые основные аспекты его политической теории. Основной вклад Ранке в методологию исторического исследования заключается в широком распространении и популяризации метода критики источников, а также работы в архивах как приоритетной деятельности историка. Ни то, ни другое не было изобретено Ранке, который был филологом по своему университетскому образованию. Методология критики источников была заимствована им у историка античности Бартольда Нибура³, работы которого — наряду с сочинениями Фукидида и Лютера — оказали на молодого Ранке значительное влияние с точки зрения профессионального самоопределения, а в более широкой перспективе — из антиковедения (классической фило-

вызвал и резкие критические отклики. В последней, насколько мы можем судить, крупной англоязычной биографии немецкого историка Андреас Болдт взволнованно осудил автора за подбор преимущественно негативных отзывов о Ранке и общую тенденциозность: «Несмотря на занятия Ранке, Хенц просто проигнорировал все его пожелания относительно того, как должны работать историки. Мы видим, что [господствует] субъективность, которой, как предполагается, следует избегать при критике источников и дальнейшей постановке вопроса об источниках. Хенц остался односторонним в своем изложении, следуя идеологии, которая берет свое начало в 1960–70-х годах» [Boldt 2019: 277]. Широкий срез состояния исследований Ранке на середину 1980-х гг. дают сборники по итогам конференций, организованных к столетию смерти историка: [Mommsen 1988; Iggers, Powell 1990]. На русском языке сравнительно широкое представление о жизни и творчестве Ранке дает единственная названная монография ивановских ученых [Черноперов, Усманов 2021]. Неизменным источником по биографии Ранке и эволюции его взглядов до настоящего времени остается сборник документов, писем и воспоминаний, собранных его ассистентом и учеником Альфредом Дове [Ranke 1890].

- 1 Понятие «историография» здесь используется в смысле истории как научной дисциплины.
- 2 На протяжении длительного периода можно было бы, пожалуй, согласиться со следующим высказыванием В. Бузескула: «Ранке не дал в систематическом виде теории этого метода, его правил; подробно, точно и определенно не формулировал его. В предисловиях к первым его трудам, в автобиографических заметках, в речах по разному поводу рассеяны лишь отдельные замечания» [Бузескул 1926: 1121]. Однако публикации архивных текстов Ранке во второй половине XX в., содержащих конспекты его берлинских лекций, позволяют составить достаточно систематическое представление о его исследовательских и методологических принципах.
- 3 «История Рима» Нибура, — вспоминал Ранке, — это первая немецкая историческая книга, которая произвела на меня впечатление» [Ranke 1890: 31].

логии), представлявшего собой наиболее продвинутую научную дисциплину в эпоху немецкого «филоэллинизма»¹: «Методология, разработанная Ранке, основывалась на классической филологии с ее максимой: проверять источник на достоверность и на соответствие его собственному контексту» [Breisach 2007: 233]. То же следует сказать и о работе в архивах в разных странах Европы. Ее впечатляющий образец дал, например, в начале XIX в. издатель античных авторов и, прежде всего, первого критического издания сочинений Аристотеля классический филолог Иммануэль Беккер [см.: Schröder 2009].

Основная цель критического метода Ранке — последовательный антификционализм, противопоставляемый предшествующему более вольному или прямо литературно-художественному обращению с историей: «Сегодня мы имеем другое понятие об истории. Голая истина без прикрас; основательное изучение единичного; остальное в Божьей воле; только никакой выдумки, даже в мелочах, только никаких химер» [Ranke 1824: 28].

Второй основной аспект методологии Ранке связан с так называемым принципом «объективности и беспартийности». Самый, пожалуй, расхожий афоризм Ранке из предисловия к первой его значительной работе «История романских и германских народов 1494–1514 гг.» является одной из формулировок именно этого принципа:

185

1 Программа филологической критики источников обычно отсчитывают от работы Фридриха Августа Вольфа, систематизировавшего основы антиковедения [Wolf 1807; ср. также: Daston, Most 2015], от нее же — наряду с прусской образовательной реформой Вильгельма фон Гумбольдта — датируется начало эпохи «филоэллинизма» в Германии. Конец этой эпохе положило выступление Вильгельма II на конференции учителей в 1890 г., где он высказался за сокращение изучения античности и древних языков в пользу более национально-ориентированного образования [см.: Поле 2021: 95–106]. Роль классической филологии и антиковедения в этот период Энтони Графтон резюмирует следующим образом: «...классическая филология сыграла ключевую роль в немецкой культуре XIX века. В качестве научной дисциплины она стала полем деятельности для ряда наиболее своеобразных немецких мыслителей. В качестве предмета, который являлся приоритетным в гимназическом и университетском образовании, она способствовала формированию социального слоя чиновников, которые во многом задавали тон публичной жизни Германии. В качестве всеобщей сокровищницы идей, образов и впечатлений она служила связующим звеном почти для всех образованных жителей Германии, придавая единообразную форму мыслям и стилю людей, которые во всем прочем придерживались взаимоисключающих убеждений. Сознание того, что Маркс, Ницше, Лагард и Фрейд при своей гипотетической встрече запросто могли бы раскритиковать теории друг друга не только по-немецки, но и на латыни, настраивает на трезвый тон» [Графтон 2006].

«Истории приписали обязанность обращаться к прошлому, чтобы поучать современников на пользу будущего; но столь высокие обязанности настоящий опыт на себя не возлагает: он стремится только к тому, чтобы показать, как это, собственно, было (bloß sagen, wie es eigentlich gewesen)» [Ranke 1885: VII].

Это высказывание сегодня обычно снисходительно-критически истолковывается в смысле наивного реализма¹, и, действительно, оно «настолько часто упоминается в критическом контексте, что уже кажется анекдотичным» [Егоров 2015: 16]. Подобная критика, разумеется, является нерелевантной, игнорирующей многочисленные разъяснения самого Ранке и элементарный содержательный контекст приведенного высказывания. Речь здесь идет в первую очередь о воздержании от оценочных суждений, продиктованных «партийной» позицией. Дело историка — не проверять правильность мнений, а иметь дело с тем, что существует и оказывает решающее влияние в политических или ценностных вопросах. Максима «беспартийности» была заложена в качестве одного из принципов либеральной модели образования, реализованной при учреждении нового Берлинского университета². Применительно к университетской деятельности этот принцип равным образом отстаивает также ближайший единомышленник Ранке по университету в 1830-х гг. — Карл Фридрих фон Савиньи³. Наиболее известным его изложением

186

1 Вот типичный пример такого архаизирующего вырывания этой фразы Ранке из контекста, да еще и в форме обобщения на всю эпоху: «Историки XIX века исходили из тождественности истории как прошлой реальности и истории как знания о прошлом, видя свою задачу в установлении всех фактов прошлого, то есть приведения объема знаний в соответствие с объемами прошлых событий» [Курилла 2018: 77]. При этом Хейден Уайт, которому тот же автор ниже поет дифирамбы [Op. cit.: 111], пытаясь рассказать историю современной историографии как историю поступательного прогресса, намного лучше понимает смысл ранкеанского историзма (или «организма»), ср.: «В органицистской концепции объяснения неясность в анализе является до некоторой степени несомненной ценностью, необходимой для восприятия исторического поля как такого места, где существенная новация происходит при условиях, которые по сути своей непознаваемы. В этом и заключается реальное содержание претензии к “эмпирическому” методу в историческом исследовании Ранке и его последователей. Этот “эмпиризм” идет не столько от строгого наблюдения частных фактов, сколько от решения считать определенные процессы по природе своей сопротивляющимися анализу, а определенного рода понимание — по сути ограниченным» [Уайт 2002: 223].

2 См.: [Куренной 2020b: 26-27].

3 [Savigny 1850: 303-305.] Эта основная работа Савиньи, посвященная специфике немецких университетов, впервые была опубликована в «Историко-политическом журнале» Ранке в 1832 г.

в современных научных кругах является доклад Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» (1917), который представляет собой лишь одну из многочисленных его актуализаций: согласно Веберу, в университетских стенах ученый должен руководствоваться только «интеллектуальной частностью» и «долгом — искать истину» [Вебер 1990: 722]. Против этого принципа Ранке в историографии последовательно выступал И.-Г. Дройзен¹ и более молодое поколение немецких националистически ориентированных историков², так называемая прусская, или малогерманская школа³. Содержательный смысл этого принципа сам Ранке разъяснял, в частности, следующим образом:

«Истинная история стремится к рассмотрению объективного; она должна возвышаться над любой партийной точкой зрения. По своей природе она содержит моральный и религиозный элемент. Но моральный элемент состоит не в том, чтобы всех и каждого оценивать и судить, исходя из предвзятых представлений; религиозный элемент состоит не в том, чтобы, так сказать, добиваться права на существование для одного особого вероисповедания, к которому принадлежит человек, принижая и умаляя все остальные. А в том, чтобы быть справедливым по отношению к любому моральному и религиозному существу. Долг (Amt) истории в следующем: познавать бессмертную душу человека и рассказывать о ее явлении на земле. Любое отбеливание несправедливости неприемлемо и его следует избегать; равно как неприемлемо продолжать плести паутину злобных страстей, которые переполняют нашу эпоху и идут по стопам человека. Поэтому самое важное — понимать позицию каждого, однако для этого [необходимо] исчерпывающее знание того, что его [определяет]» [Ranke 1975a: 294].

187

Таким образом, здесь предвосхищается тот же ценностный парадокс, который мы затем находим у Вебера: объективность или сво-

- 1 О партийности («презентизме») историографии Дройзена см.: [Куренной 2020a: 57-58].
- 2 Собрание уничижительных эпитетов малогерманских историков в адрес «политического темперамента» Ранке см.: [Rothacker 1930: 160]. Развернутую панораму критических отзывов об «исторической критике, объективности и беспартийности» Ранке см.: [Henz 2014, I: 152-186].
- 3 Скорее всего именно эту группу историков имеет в виду М. Вебер, когда замечает: «Я готов найти в работах наших историков доказательство того, что там, где человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов» [Вебер 1990: 723]. Примечание переводчика к этому месту в цитированном русском издании, где оно рассматривается как жест размежевания с «историцизмом» и В. Дильтеем, дает, на наш взгляд, ложную подсказку читателю. Вебер здесь лишь воспроизводит максимум объективизма и беспартийности Ранке, критикуя более молодых критиков последнего.

бода от ценностей понимается как следование собственным ценностям научного исследования. При этом в своем курсе лекций «Идея универсальной истории» (1831) Ранке прямо отождествляет политическую позицию историка с положением между двумя главными современными партиями, борьба между которыми проходит под лозунгами «движение» (требование немедленных и постоянных революционных преобразований) и «сопротивление» (требование неизменного сохранения текущего положения дел). Позиция историка является срединной: «История существенно отличается как от тех, которые требуют и любят вечно неизменное, так и от тех, которые требуют беспрестанного движения» [Ranke 1975b: 82]. Таким образом, эта позиция может быть определена как умеренный, реформационный или либеральный консерватизм, который формально определяется по отношению к желаемой динамике преобразований современного общества¹ — именно эта позицию в полной мере характеризует политические взгляды Ранке. Примечательно, что она обосновывается им как вытекающая из самого характера научного подхода историка к своему предмету, который избегает «насилия» над ним, иными словами, ценностная метаполитическая нормативность выводится здесь Ранке из имманентной логики самого научного исследования истории.

Следующий смысловой аспект принципа объективности позволяет развеять другой предрассудок, состоящий в том, что подход Ранке редуцирует историографию к фактологии или хронологии событий. Но история для Ранке, разумеется, не сводится к литературно декорированной хронике фактов, к одному лишь исследованию частных («единичностей»). Она должна начинаться с этого, может также этим и ограничиться, но внутренне стремится к установлению более сложных и глубоких исторических взаимосвязей.

Ранке прямо настаивает, что исследование любой исторической частности — легитимная цель исторической науки, противопоставляемой тем самым спекулятивной философии гегелевского и фихтеанского типа: «Тогда как философ, рассматривая историю из своего собственного поля, видит бесконечное только в движении вперед, в развитии, в целостности (Totalität), история познает бесконечное в любой экзистенции, в любом состоянии, в любом суще-

1 Ср. симптоматичный сдвиг этой базовой трехчастной политической шкалы у И. Валлерстайна [2001: 302-323]. Если у Ранке партия революционных изменений — это либеральная позиция в духе движущей идеологии Французской революции, то для Валлерстайна это уже «социалистическая» позиция, «консерваторы», согласно последнему, стремятся до последней возможности сдерживать изменения, а «либералы» выступают за планомерную рациональную реформу.

стве; [всюду видит она] нечто вечное, исходящее от Бога, — таков ее жизненный принцип» [Op. cit.: 77]. Этой формулировкой Ранке фактически объявляет о «конце большого нарратива» в духе философии истории и историографии Канта, Фихте и Гегеля, а значит, и рождении того, что намного позднее стали называть «постмодернизм»¹.

Такого рода исследованием отдельных — фрагментированных, как сказал бы современный эпистемолог историографии, — единичных «экзистенций» историк вполне может и ограничиться. Однако внутренняя логика исторических взаимосвязей требует, согласно Ранке, перехода исторического исследования на следующий уровень комплексности, состоящей в поиске «каузальной взаимосвязи» (Kausalnexus): «То, что существует одновременно, затрагивает друг друга и воздействует друг на друга; предшествующее обуславливает последующее; существует внутренняя связь причины и следствия, и даже если она не может быть обозначена посредством датировок, от этого она не существует в меньшей степени: она существует, а поскольку она существует, то мы должны искать, познавать ее» [Op. cit.: 79]. Возникающий в ходе

- 1 Ироничные критики поспешной претензии постмодернизма на эпохальную новизну нового исторического этапа давно указывали на его далеко не оригинальный характер. Герман Люббе, обращаясь к таким характеристиками постмодерна, как распад стилевого единства, практика исторического цитирования и т. д., прямо определяет постмодерн как всего лишь «историзированный модерн» [Люббе 2016: 77-87]. На структурный изоморфизм историографии и постмодернизма указывали и сами его представители. В частности, Ф. Р. Анкерсмит развернул этот тезис в статье «Историография и постмодернизм», где последний рассматривается как некий дальнейший шаг развития проекта современной историографии как таковой. Дистанцию по отношению к «модернистской» историографии здесь удается достичь за счет чрезвычайно распространенного у современных историков историографии приема — архаизации позиций классиков современной историографии. Базовая метафора Анкерсмита — образ дерева. «Эссенциалистская традиция» фокусирует свое внимание на стволе дерева (это спекулятивная традиция). «Историзм и модернистская историография», отказываясь от априорных схем, концентрируется на ветвях дерева, но продолжает считать, что «в конце концов сможет что-то сказать об этом стволе». Наконец, постмодернистская историография сосредотачивается исключительно на листе этого дерева, для нее «история — это «дерево без ствола» [Ankersmit 1989: 149; 152]. В приведенной цитате из Ранке прекрасно видно, что он признает научно легитимными в историографии занятия «любой экзистенцией», любой частной деталью, т. е. «листвой» безо всякого обращения к «дереву» в целом или другим его более крупным частям. Если придерживаться этой метафоры Анкерсмита, то картина получается безотрадной: от полноценного дерева остался лишь ворох листьев. О проблематике историзма в контексте дискуссий о постмодернизме см. также: [Steenblock 1991].

выявления причинно-следственных взаимосвязи тип исторического объяснения, согласно пояснениям Ранке, можно определить как объяснение поведения на основании мотивов — то, что Макс Вебер называет потом «понимающим объяснением», а современные исторические эпистемологи — «причиной, связанной с намерениями» [Мегилл 2007: 412]. Лишь при отсутствии необходимых сведений о мотивах историк может прибегнуть к гипотетическим допущениям: «В первую очередь на основании подлинных сообщений необходимо исследовать с наибольшей возможной точностью, можем ли мы раскрыть подлинные стимулы (*Antriebe*); чаще, чем мы склонны думать, это возможно; и только если мы не имеем возможности продвигаться далее, нам позволительно дать волю предположению» [Ranke 1975b: 80].

Наконец, историк делает следующий шаг — к «постижению целостности» (*Auffassung der Totalität*) — причем как в национальной, так и во всемирной исторической перспективе. Приведем следующую развернутую цитату, которая раскрывает как допущения, на которых Ранке основывает возможность и потребность в поиске исторической целостности, так и принципиальные ограничения в ее нахождении:

190

«Если существует некоторая жизнь, то мы постигаем ее явления; мы воспринимаем последовательность, обусловленность одного момента другим; одного этого достаточно; и все же в этом есть нечто целостное; существует становление, действительность, заявление своих прав, исчезновение. Тотальное столь же достоверно, как и любое [частное] выражение в каждый отдельный момент. Мы должны уделить ему все наше внимание. Если существует некий народ, то существуют не только отдельные моменты его живых проявлений, но из целого его развития, его деяний, его институтов, его литературы к нам обращается определенная идея, которой мы не можем не уделять нашего внимания. Чем далее мы продвигаемся, тем сложнее, конечно, к ней приблизиться; ибо здесь мы также можем о чем-то говорить лишь посредством точного исследования, пошаговой аппроксимации того, что сообщают нам поступившие документы; посредством индукции на основании хорошо известного, а не гадания на малоизвестном, не посредством философов. Мы видим, как бесконечно сложно обстоят дела с универсальной историей. Какие бесконечные массы! Какие различные устремления! Какие трудности даже в познании единичного! Так как мы, сверх того, еще и многого не знаем, мы всюду хотим постичь хотя бы каузальную взаимосвязь, не говоря уже о том, чтобы проникнуть в сущность целостности. Полностью разрешить эту задачу я считаю невозможным. Всемирная история известна только Богу. Мы познаем противоречия, “гармонии, — как сказал один индийский поэт, — известны богам, но неизвестны людям”, мы обречены на то, чтобы лишь приближаться к ним издалека. Но для нас ясно наличие единства, движения вперед, развития» [Or. cit.: 82-83].

Таким образом, ранкеанская методология исторического исследования позволяет выделить четыре основных типа предусматриваемой ей историографии: 1) исследование «единичного», «любой экзистенции», то, что сегодня называется микроисторией, 2) истории более широких контекстов с точки зрения «каузальной взаимосвязи», а также исследование больших «целостностей», 3) жизнь народов и, наконец, 4) всемирной истории. Этот последний уровень, поясняет А. Мегилл в своем анализе ранкеанской историографии, от современных историков «скрыт, но *идея* его нам знакома, это идея большого нарратива единой истории человечества» [Megill 1995: 157-158; Мегилл 2007: 280-281]. Ранке отличается от многих современных историков не только тем, что исходит из предположения об онтологическом единстве мира и исторического процесса, но также тем, что можно назвать эпистемологическим оптимизмом: хотя мы никогда не постигнем всемирную историю человечества в целом, но мы все же стремимся и способны двигаться в этом направлении.

Однако это движение отличается от образа неумолимого и необратимого прогресса научного познания в духе рационализма Просвещения. Ограниченность человеческих способностей и историчность самого существования человека выражается также в том, что исторические исследования, выполненные даже с максимальным стремлением к объективности и беспартийности, никогда не достигают полной достоверности: «История всегда переписывается <...> Каждая эпоха и ее преобладающее направление присваивает ее себе и переносит сюда ее мысли», — гласит одна из дневниковых записей Ранке [Ranke 1890: 569]¹. Из этого не следует релятивистского вывода «anything goes» в духе П. Фейерабенда, однако следует, что историк может предложить тот образ всемирной истории, который доступен в пределах его собственного, как выразится потом Вильгельм Дильтей, исторического горизонта познания². Что и делает сам Ранке

191

- 1 Подробный анализ того, как тезис о возможности и необходимости переписывать историю соотносится с принципом объективности, см.: [Berg 1968: 104-218]. Несмотря на то что в отношении Ранке накоплено немало упреков в том, что он сам не следовал собственному принципу объективности, общий вывод Берга заключается в том, что этот принцип сопрягался у Ранке с открытостью к переписыванию истории вслед за изменением и уточнением нашего ее познания и понимания. Познание абсолютной истины в истории недоступно человеку, а «живое стремление к истине неизменно сопряжено с заблуждением» [Op. cit.: 2017].
- 2 Понятие «горизонт познания» было введено Я. Фризом, различающим его «объективный», связанный с ограничениями человеческого разума как такового, и «субъективный», связанный с индивидуальными особенностями человека, характер [Fries 1804: 150-151 (§ 184)]. В плоскости исторического познания В. Дильтей придал понятию «горизонт» смысл перспективистской

не только в своих разрозненных размышлениях об универсальной истории в целом, но и обратившись в последние годы жизни к написанию развернутой «Всемирной истории» на основании своих многочисленных и чрезвычайно разнообразных — по европейской географии и периодам — предшествующих исследований. Тем самым, добавим, подарив грядущим поколениям возможность сопоставлять его видение и понимание с их собственным историческим горизонтом познания.

В изложении многих современных эпистемологов и историков современной историографии ее развитие предстает как последовательная утрата научного оптимизма, характерного как для Ранке, так и, например, для Дройзена. Это развитие представляет собой, так сказать, последовательно прогрессирующий регресс эпистемологических амбиций исторической науки. Например, А. Мегилл приводит типологию отношений к возможности написания «когерентной», или единой истории, которая завершается следующей наиболее поздней установкой: «Предположение, что единственная История существует, не может быть поддержано, ни субъективно, как научное предприятие, ни объективно, как действительный большой нарратив, который можно рассказать сейчас или в будущем» [Megill 1995; ср.: Мегилл 2007: 270-313]. Что такой нарратив не может быть рассказан «сейчас или в будущем», в абсолютном смысле согласился бы также и Ранке, но при этом он считал, что стремление и попытки его изложить легитимны для историка и исторической науки.

Приведенный тезис современного эпистемолога истории, состоящий в том, что прогресс современной историографии ведет к критической утрате веры в то, что единый нарратив когерентной истории когда-либо может быть рассказан, возвращает нас к проблеме фикции в исторической науке и, соответственно, антификционализму Ранке. Один из «постулатов» того же А. Мегилла в отношении того, как сегодня должны быть организованы историческая наука и исторические исследования, прямо утверждает, что всякое историческое исследование создает «фиктивный» предмет, хотя и «не из ничего» [см.: Мегилл 2007: 309-311]. Сделаем здесь небольшое отступление по существу данного вопроса, поскольку стирание границы между реальным и фиктивным

возможности, присущей историческим наукам о духе: «...позиция сознания и горизонт времени всякий раз образуют предпосылку того, что исторический мир видится данной эпохе некоторым определенным образом: различные эпохи наук о духе словно бы пронизаны теми возможностями, которые предоставляют перспективы исторического видения» [Дильтей 2004: 44].

является, в частности, ключевым пунктом, который отстаивают американские «новые интеллектуальные историки», неизменно выбирающие именно Ранке в качестве предмета своих критических атак по причине, разумеется, его «консерватизма» [Егоров 2015]. Едва ли стоит добавлять, что эта проблема находится также в центре актуальных вопросов и дискуссий, связанных с проблемой «фальсификации исторических фактов» и «искажения истории». Стирание границы между научно установленным фактом (на данный исторический момент и в рамках принятых научных процедур) и фикцией противоречит смыслу научной деятельности как таковой, если не понимать под последней просто особый вид литературы, имманентно разыгрываемой по якобы «научным» правилам (чтение и написание текстов определенной стилистики, аппарат ссылок на литературу и т. д.). Стремление Ранке к постижению исторической реальности («только никакой выдумки, даже в мелочах, только никаких химер»), а также ориентация на то, чтобы постичь ее в максимально большей полноте, совершенно не нуждается в метафизических предпосылках, вере в творца мира или консерватизме — факторы, которыми обычно объясняют «наивный» реализм Ранке. Это стандартная установка ученого-историка и современной научной деятельности как таковой, и этот момент неслучайно акцентирован Ранке, поскольку именно на его долю выпало решение задачи научной легитимации историографии в рамках современной модели исследовательского университета. Ровно такие же представления о характере научного поиска выводятся из совершенно иных, секуляризованных оснований. Для сравнения мы приведем здесь ход аргументации, предложенный более поздним мыслителем, относящимся к совершенно иной интеллектуальной и философской культуре, обратившись к прагматизму Ч. С. Пирса¹. Реальность, противоположностью которой является фикция, определяется Пирсом в 1868 г. следующим образом: «Реальное, таким образом, — это то, к чему рано или поздно приведут информация и рассуждения, и что, следовательно, не зависит от наших с вами капризов. Таким образом, само происхождение концепции реальности показывает, что эта концепция, по сути, включает в себя понятие *общности*, не имеющей определенных границ и способной к определенному росту знаний»². Смысл сказанного заключается в том, что реаль-

- 1 Согласно фундаментальной интерпретации К.-О. Апеля (2001) излагаемый далее аспект философии Пирса можно рассматривать как специфическое преобразование трансцендентализма Канта в регулятивный семиотический трансцендентализм коммуникативного сообщества ученых.
- 2 Peirce 1934 [Peirce Charles Sanders. The Collected Papers (CP), 5.311].

ность — это то, что независимо от мыслей или представлений какого-то субъекта, хотя сами наши мысли и представления — включая сновидения [Пирс 2000: 148] — также являются реальностью своего рода, которую, впрочем, пока еще не научились полноценно наблюдать другие. Но в отношении реальности существуют расхождения между людьми, для разрешения которых и требуется указанное «сообщество», а именно открытое сообщество ученых-исследователей. Поскольку только это сообщество, объединяемое понятием «наука», смогло выработать процедуры разрешения спорных вопросов на основании определенных рациональных процедур — используемых методов исследования, правил аргументации и т. д. Поэтому, замечает Пирс в своей более поздней работе «Как сделать наши идеи ясными» (1878): «Всякий человек науки (в отличие от тех философов, которые не верят, что спорам когда-либо может быть положен конец. — В. К.) <...> живет светлой надеждой на то, что в ходе исследования, если таковое продолжается достаточно долго, может быть получено определенное решение каждой проблемы, на которую исследование направлено» [Пирс 2000: 150]. В начале пути ученые могут использовать разные подходы и методы, расходиться в своих выводах и т. д., однако ход исследований и дискуссий ведет к одному «устойчивому центру»: «Под мнением, которому судьбой уготовано стать общим соглашением всех исследователей, мы имеем в виду истину, объект же, репрезентируемый таким мнением, есть реальный объект» [Op. cit.: 151]. Для того чтобы «в конечном счете» (in the long run) достичь такого «окончательного мнения» (final opinion), может потребоваться сколько угодно времени, более того, движение в этом направлении не зависит даже от существования самого человечества: «Если, по исчезновении рода людского, возникнет иная раса, обладающая исследовательскими способностями, такое истинное мнение останется единственным, к установлению которого она должна прийти в конечном счете» [Op. cit.: 152]. Наконец, обращаясь, по-видимому, к самому сложному вопросу научного познания, который Ранке считал неразрешимым, — познанию исторического прошлого, следы которого навсегда утрачены, Пирс выражает по этому поводу ничем не ограниченный эпистемологический оптимизм:

«...самому духу философии противно предполагать, что исследование не приведет к решению всякого обладающего ясным значением вопроса, если оно будет продолжаться достаточно долго и продвинется достаточно далеко. Кто может с уверенностью сказать, чего мы не будем знать через несколько сотен лет? Кто способен предугадать результат научной работы ближайших десяти тысяч лет, если она будет продолжаться с интенсивностью последних ста? А если бы эта работа продолжалась миллион, миллиард или любое количество лет,

какое только вам будет угодно, как возможно утверждать, что существует хоть один вопрос, который бы не нашел в конце концов своего решения?» [Op. cit.: 153]

Таким образом, данная прагматическая концепция истинности и реальности Пирса¹ во всех основных чертах соответствует представлениям Ранке о возможности и необходимости движения историографии в направлении универсальной истории, достижимой, правда, лишь «в конечном счете».

Более того, немецкие философы-идеалисты в своих представлениях о возможности достижения полного согласия «в конечном счете» были даже гораздо менее оптимистичны, чем американский прагматист Пирс. Когда Ранке говорит: «Всемирная история известна только Богу» — то здесь мы видим прямой отголосок размышлений Фихте о призвании ученого, некоторые из которых произвели огромное впечатление на юного Ранке². Согласно Фихте, ученые представляют собой передовой педагогический отряд человеческого общества: «ученый <...> — по своему назначению есть учитель человеческого рода» и «ученый — воспитатель человечества» [Фихте 1995: 510-511]. Последняя же, высшая цель человеческого общества и истории — «полное согласие и единодушие со всеми возможными его членами», т. е. достижение, по сути, такого состояния, которое Ч. С. Пирс приписывает открытому коммуникативному сообществу ученых «in the long run». Согласно Фихте, однако, достижение такого состояния для человеческих существ невозможно: «Но так как достижение этой цели, достижение назначения человека вообще предполагает достижение абсолютного совершенства, то <...> [оно] недостижимо, пока человек не перестанет быть человеком и не станет Богом. Полное согласие со всеми индивидуумами есть, следовательно, хотя и *последняя* цель, но не *назначение* человека в обществе» [Op. cit.: 495]. Поскольку и ученый, разумеется, не перестает быть человеком, то и для научного сообщества указанное состояние «полного согласия и единодушия» также недостижимо, что означает, как и подчеркивает Ранке, недостижимость — даже если следовать аргументу Пирса об экстраполяции процесса исследования в будущее — для человека окончательного знания о реальности универсальной истории.

1 Продолжающая, заметим, играть ключевую роль в современной коммуникативной философии, в особенности — у К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, о чем, видимо, плохо осведомлены современные «новые интеллектуальные историки».

2 См., в частности: [Fulda 1996: 332].

Это отступление в проблему стандартной научной установки на поиск истины и реального положения дел, в определении которой сходятся Ранке и Пирс, сделано здесь не только и не столько с целью указать на ее размывание у современных историков и эпистемологов научной историографии под влиянием постмодернизма, лингвистического и нарративного поворота и т. д. Намного более серьезный вопрос заключается в более фундаментальных структурных причинах этой трансформации в современных западных обществах. В них, действительно, происходит изменение базовых представлений об истории: «Все больше признаков того, что фундаментальные идеи, которые ассоциировались с концепцией истории на протяжении более двухсот лет, начинают давать сбои. Разрушение общепринятых представлений об истории как о едином, целенаправленном плане лучшего будущего напрямую связано с реорганизацией историко-культурного режима времени, происходящей в нашем настоящем» [Schubert 2021: 10]. Какие же фундаментальные сдвиги определяют здесь распад современного представления об истории, лежащего также в основе изменений представлений о возможностях и границах научной историографии? В русле затронутого здесь вопроса можно выделить две таких основных трансформации: субъективация и фикционализация реальности.

Субъективационный сдвиг фиксируется всеми основными направлениями современных социальных и культурсоциологических исследований, хотя и артикулируется различными категориальными средствами. В современных развитых обществах, в которых проблема материального благополучия и безопасности является решенной для большинства населения, на первый план выходят, согласно Р. Инглхарту, «постматериалистические», или «постмодернистские» ценности самоактуализации и субъективно ощущаемого качества жизни, насыщенность, интенсивность и глубина собственных переживаний и впечатлений, стремление прожить «счастливую жизнь» самостоятельно, не ориентируясь на функциональные внешние блага и социальный успех, основанный на следовании социально-стереотипным моделям¹. Подобная же трансформация в культурсоциологии «обществ переживаний» Г. Шульце описывается как изменение структуры социального действия, сменяющей вектор своей ориентации с внешнего на внутренний [Schulze 2005]. Это изменение можно охарактеризовать также как переход от «номоцентрической» (ориентированной на внешнюю норму) к «автоцентрической» установке. Появление автоцентрического менталитета означает, что центр ориентации

1 См.: [Инглхарт 2018; Инглхарт, Вельцель 2011].

и ценностей людей смещается извне внутрь. «Уже 30 лет назад было зафиксировано появление человека, “ориентированного внутрь”, и этот тип особенно распространен среди молодых людей» [Klages, Gensicke 1994: 681]. Аналогичный субъективационный сдвиг в рамках «модернизации» современных развитых обществ фиксирует и множество других социальных исследователей [ср.: Липовецкий 2001; Реквиц 2022].

Фикционализация реальности в современных обществах имеет столь же всеобъемлющие формы проявления. Огромная суггестивная сила «фабрики грез» была очень быстро распознана всеми политическими силами уже в начале XX века, а в некоторых случаях это понимание дополнялось также нетривиальным анализом механизма воздействия фиктивной кинематографической реальности. Так, в 1936 году глава Римско-католической церкви папа Пий IX даже выпустил специальную энциклику, посвященную кинематографу, — «Vigilanti Cura» (О движущихся изображениях), где писал, в частности, следующее: «Сегодня нет более сильного средства воздействия на массы, чем кино — в силу ли самой природы образов, которые проецируются на экран, в силу ли популярности этого зрелища или же в силу других обстоятельств, которые его сопровождают. Власть фильма основывается на том факте, что оно вещает посредством образа — живо и наглядно. <...> Кино воспринимается душой с удовольствием и без усталости, также и необразованными и простыми душами, которые не способны и не чувствуют потребности утруждать себя абстракциями или логическими умозаключениями; чтение и слушание все еще требуют определенного усилия, которое, напротив, в случае фильма заменяется непрерывным чувством удовольствия от вида следующих друг за другом и, так сказать, живых образов. В звуковом фильме эта власть усиливается, так как толкование событий становится еще более легким и к этому зрелищу добавляются чары музыки». С трансформацией кинематографического экрана в телевизионный его воздействие приобрело еще более всеобъемлющий характер: «Есть телевизор — мне дом не квартира: я всю скорбь скорблю мировой, грудью дышу я всем воздухом мира ...» (В. Высоцкий). Не будем углубляться в тривиальные рассуждения о том, как эту тенденцию проникновения фикции в реальность усилили современные медиа, средства коммуникации, технологии дополненной реальности и т. д. Расширение цифрового потока доступной информации способствовало отнюдь не развитию способности индивида противостоять аналоговым средствам информационной манипуляции и пропаганды, но лишь стимулировало процесс фрагментации различных фиктивных миров. Непреодолимость стен между ними тем более поразительна оттого, что их отделят друг от друга нажатие всего лишь несколь-

ких клавиш на клавиатуре компьютера. Менее очевидным является процесс, диагностированный О. Марквардом в эссе «Искусство как антификция — опыт о превращении реального в фиктивное» [Марквард 2001]. По мере того, как современные «философы подозрения», начиная с Маркса, Ницше и Фихте, упражнялись в разоблачении реальности как фикции, искусство, которое все больше растворяется во всеобъемлющей эстетической среде нашего мировосприятия, напротив, приобретает все больше признаков реальности. Если вспомнить такой классический признак реальности по отношению к сновидению, как его длящийся характер (А. Шопенгауэр), то можно заметить, что мир современных сериалов и разнообразных «киновселенных», длящихся десятилетиями, по сути, намного более реален, чем реальность нашей переменчивой фактической жизни. Старая любимая мелодия, которую можно прослушать в любой момент в любой житейской перипетии, — таков, пожалуй, современный аналог дедовского способа ущипнуть себя, чтобы отличить реальность от фикции сновидения.

198

Таким образом, нарастающая критика принципа объективности Ранке в узких кругах историков и эпистемологов исторического познания является симптоматичным индикатором более широких и фундаментальных процессов, протекающих в современных обществах, — субъективации и фикционализации. Отсюда также можно заключить, что контакт с реальным миром по меньшей мере в историографии не утрачен до тех пор, пока в ней все еще соблюдается этот ранкеанский принцип.

С философско-технической точки зрения вопрос об «объективности и беспартийности» исторического познания, требуемых Ранке, распадается на две проблемы: ограничений со стороны объекта и ограничений со стороны субъекта познания¹. С объектной стороны, позиция Ранке состоит в том, что объективное историческое познание возможно настолько, насколько простираются письменные источники², поэтому, в частности, нам недоступно позна-

1 Наиболее развернутый и, на наш взгляд, фундированный анализ проблемы объективности у Ранке см.: [Berg 1968: 104-218]. Здесь мы опираемся, прежде всего, на эту интерпретативную экспликацию данного вопроса. О реализме Ранке и его актуальности для современных историков см. также: [Boldt 2014].

2 Данная позиция находит своеобразный отклик также в позднейшей культурной антропологии, которая подчеркивает необходимость письменной и визуальной фиксации жизни, устного наследия и т. д. изучаемых бесписьменных народов: «Даже если стремительно распространяющаяся европейская форма культуры уничтожает все чужие, в основном более “примитивные” формы культуры или народные культуры, в этнографической монографической литературе все же накоплен материал, который можно

ние всей всемирной истории человечества: «Сама по себе история должна охватывать всю являющуюся во времени жизнь человечества. Но слишком многое из этого потеряно и неизвестно. Первые периоды ее существования, как и промежуточные, утрачены без всякой надежды на то, что они будут найдены» [Ranke 1975b: 84]. Что же касается материальных исторических памятников, то для Ранке они «молчаливы и односложны». Их изучение, полагает он, «нигде не развито настолько точно и понятно, чтобы его результаты можно было включить в историю», памятники могут быть источниками знания лишь «постольку, поскольку они становятся понятными через свои надписи»¹. Столь же сдержанно Ранке относился к возможности привлечения историком других научных дисциплин (геологии и антропологии в духе эпохи Просвещения), ценности для истории мифологических и религиозных представлений, а также к продуктивности изучения народов, которые до настоящего времени пребывают в «естественном состоянии» и, предположительно, «сохраняют состояние первобытного мира» [Ranke 1975b: 85; См. также: Berg 1968:184-185]. При этом он отмечал полезность для исторических исследований сравнительной филологии, особенно для периода переселения народов, уделял внимание неписьменному наследию Античности. Однако даже там, где подобная ценность признается, она не выходит за пределы роли «вспомогательной науки» [Berg 1968: 187, 185], — в этом проявляется последовательность Ранке в обосновании дисциплинарной самостоятельности истории. Поэтому распространенные упреки Ранке в том, что он затормозил развитие историографии, игнорируя новые теоретические направления, связанные с политэкономией или социологией, не являются убедительными: это была осознанная позиция, нацеленная

199

назвать нетленным сокровищем культурно-исторических документов» [Frobenius 2021: 14].

- 1 Цит. по: [Berg 1968: 187]. Такая текстоцентричность однозначно ставит Ранке на сторону «филологии слов» в одной из ключевых гуманитарно-научных дискуссий XIX в., разразившихся в немецкой классической филологии между Августом Бёком и Готфридом Германом. Упрощая, смысл этого противостояния, известного как спор «Sach- vs. Sprachphilologie» («филология вещей против филологии слов»), состоял в том, что, согласно Герману, наука об античности должна ограничиваться только областью текстов, тогда как Бёк считал, что ей следует иметь дело с широкой эмпирической базой всех материальных артефактов. Спор «филологии вещей» и «филологии слов» хорошо изучен, подробнее см.: [Poiss 2009 (с указанием на основную литературу); Nippel 1997; Тротман-Валлер 2009]. Как справедливо указывает Тротман-Валлер, этот спор может быть распознан во множестве современных дискуссий, воспроизводящих его базовую проблемную структуру.

на отстаивание самостоятельности истории как науки¹. Современная историография весьма переменчива в моде на подобного рода теоретические увлечения, с известной регулярностью сменяющие друг друга в рамках очередного «поворота» (от социальной истории к истории понятий и т. д.), однако в ней неизменно присутствует также и ранкеанская позиция, заключающаяся в том, что специфика собственно истории как науки заключается в том, чтобы по возможности установить факты и события, а также их каузальную взаимосвязь, тогда как любые иные дисциплины и теории в рамках исторического исследования играют роль лишь той самой «вспомогательной науки»².

С субъектной точки зрения проблема «объективности и беспристрастности» имеет, в свою очередь, два аспекта. Во-первых, перспективное искажение может само возникать объективно — в силу общественной и исторической ограниченности субъекта, которой он не может избежать. Во-вторых, оно может возникать осознанно, согласно произволу самого субъекта. Такова, например, если

1 Разумеется, любая принципиальность имеет свои издержки. Идущая из филологической критики источников текстоцентричность Ранке и его последователей привела к тому, что главный фокус их исследований смещается в плоскость истории государства [Berg 1968: 192]. Однако у Ранке это является эффектом именно выбранной методологической установки на изучение архивных текстов, которые в современной истории, будучи в первую очередь государственными, аккумулируют и сохраняют в первую очередь историю государства. В то же время именно Ранке указывает слушателям своих лекций на то, что принятый в современной историографии крен в сторону изучения политики и, судя по всему, экономики, динамика которых обусловлена мотивами «эгоизма и стремления к власти», является искажающим: историк должен обращаться ко всем возможным движущим мотивам человеческих действий и поступков. Это выражается в его принципе «универсального интереса» историка, который должен обращаться равным образом к истории «войны и мира» (превалирующим, как он отмечает, в современной историографии), но также к истории науки, искусства и т. д., поскольку «в противном случае мы окажемся неспособными понять одно из них без другого и будем препятствовать реализации цели познания» [Ranke 1975b: 79]. Тем самым, добавим, Ранке предвосхищает и легитимизирует все последующие свободные смещения исторического интереса в сферу истории повседневности, истории сексуальности и т. д. и т. п. Характеризуя его собственную склонность именно к политической истории, Ф. Майнеке справедливо отмечает: «Он отдает предпочтение политической части событий в своем изложении только потому, что она содержит наиболее значимые для судеб мира культуры причинно-следственные связи, и, кроме того, потому, что он также в определенной степени переплавляет политическую историю в историю культуры через одухотворение власти и государств...» [Meinecke 1948: 15].

2 Прежде всего: [Люббе 1994; Оукшот 2002].

выразиться термином Ж.-П. Сартра, позиция «ангажированного писателя», который намеренно и осознанно ставит себя на службу определенной политической идее. Что касается первого аспекта, то Ранке признавал неизбежность подобных общественно-исторических ограничений перспективы. История, согласно Ранке, как уже цитировалось выше, постоянно переписывается, и «изменения в историографии <...> очевидно, совпадают с изменением взглядов на общественные вопросы» (цит. по: [Berg 1968: 193]). Основной же фокус критики Ранке сосредоточен именно на втором аспекте — на осознанной партийности, преодоление которой — «цель и моральный долг» ученого. В этой связи часто приводят его слова, что он стремится «словно бы стереть свою самость» (*Selbst gleichsam auszulöschen*). Разъясняя смысл этого высказывания, Гюнтер Берг отмечает, что это вовсе не означает, как это часто поверхностно интерпретируется, ни полной нейтральности, ни ценностного релятивизма, ни отсутствия собственного суждения или наивного игнорирования эффектов, вносимых познающим субъектом [Berg 1968: 194-195]. Однако прежде чем выносить такое суждение, необходимо понять мотивы и логику действий каждой из сторон в контексте рассматриваемой эпохи:

201

«Слишком часто мы судим о прошлом по сегодняшнему дню. Пожалуй, никогда еще это не было так скверно, как сейчас, когда некоторые интересы, проходящие через всю мировую историю, как никогда занимают общее мнение и разделяют его на множество “за” и “против”.

Политически это, возможно, и правильно. Но исторически это неверно. Мы, ищущие истину даже в заблуждениях, рассматривающие любую экзистенцию как пронизанную изначальной жизнью, должны прежде всего отказаться от подобных суждений. Там, где идет такого рода борьба, обе стороны должны быть рассмотрены на их собственной почве, в их среде, так сказать, в их внутреннем состоянии; они должны быть поняты, прежде чем будут подвергнуты суду.

Нам возражат, что у писателя и толкователя тоже должно быть свое мнение, своя религия, от которой он не может отречься. Они будут правы, если мы воздержимся от того, чтобы утверждать, кто прав в каждом таком споре. <...> Мы видим заблуждение, но кто от него свободен? Поэтому мы не осуждаем никакой экзистенции. Мы признаем зло наряду с добром, но это тоже человеческое проявление. Мы не проверяем [правильность] мнения: мы имеем дело с экзистенцией, которая часто имеет решающее значение в политических и религиозных спорах. Здесь мы возвышаемся до созерцания сущности противостоящих элементов, находящихся в состоянии борьбы, мы не являемся их посредниками; нам не нужно выносить суждения о заблуждении и истине как таковых. Перед нами возникает форма за формой, жизнь за жизнью, действие и противодействие. Наша задача — проникнуть в них до самого основания их экзистенции и изложить их с полной объективностью» [Ranke 1975b: 80-81].

Эта развернутая цитата является ключом к пониманию того, каким образом выстроен текст «Великих держав», где Ранке, обращаясь к последним 150 годам европейской истории, стремится понять логику и мотивы действий каждой из них — существующей или нарождающейся. Такой подход также позволил Ранке получать признание и высокую оценку его исторических работ, посвященных Сербии, Франции, Великобритании, в самих этих странах, снискав ему славу ведущего европейского историка. При этом, разумеется, в тексте «Великих держав» считаются и все оценочные симпатии и антипатии Ранке — по отношению Фридриху II, Наполеону, удостоившемуся упоминания в тексте лишь как «удачливый генерал», и другим политическим деятелям.

Работа «Великие державы», представляющая собой наиболее исторически-конкретное выражение политической философии Ранке, является также наглядным примером упомянутой особенности его историографии, а именно заложенного в ней стремления к пониманию обширных исторических «целостностей», в качестве которой здесь выступает политическая история Европы, начиная с эпохи Людовика XIV. В рамках общей гносеологической проблематики исторического познания описание подобных общих особенностей эпох или народов связано с проблемой перехода от познания отдельных исторических фактов и каузально взаимосвязанных событий к пониманию объединяющих их общих характеристик. В терминологии Ранке это означает переход на уровень «идеального» и «духовного» содержания исторического процесса, к пониманию «тенденций» и «руководящих идей» исторического хода событий¹. Для аналитической экспликации этой эпистемологической особенности текста «Великих держав» поставим его в контекст данной особенности историографии Ранке в ее собственном историческом и идейном контексте. Одновременно здесь открывается перспектива на раскрытие представлений Ранке относительно, выражаясь марксистской терминологией, «роли личности в истории», на его понимание взаимоотношения индивидуальных и общественных исторических факторов.

Эпистемологическая проблема и механизм перехода от уровня отдельных исторических фактов к их общим основаниям сформулированы в одном из введений Ранке в лекционный курс немецкой истории следующим образом:

«Никто не может быть более убежден, чем я, что историческое исследование требует самого строгого метода; критики авторов, удаления всех фантастических элементов; выделения чистого факта; но я также

1 Особенно: [Ранке 1898]. Ср. также: [Черноперов, Усманов 2021: 85-86].

убежден, что этот факт имеет и духовное содержание. Факт не является конечным пределом. То, что происходит внешне, — не последнее, что мы должны познать; есть нечто, что происходит внутри него. Событие возникает только из духовно скомбинированного ряда фактов. Поэтому наша задача — познать, что же на самом деле произошло в ряде фактов, составляющих немецкую историю, их сумму. После работы критика требуется интуиция» [Ranke 1975c: 177]¹.

Восхождение от установленных фактов к духовной и идейной исторической взаимосвязи позволяет парадоксальным образом² усматривать в историографии Ранке модификацию систем немецкого идеализма, на что в начале XX в. указывал Э. Бернгейм³. И все же намного ближе в этом вопросе Ранке находится к тому представлению об исторической науке, которую Вильгельм фон Гумбольдт сформулировал в своем докладе «О задаче историка» [1821]:

«То, что являет себя нам, — рассеянно, бессвязно, единично; то, что объединяет отдельные явления, представляет единичное в его подлинном свете и придает форму целому, — недоступно непосредствен-

- 1 Понятие «интуиция», относительно которого, как замечает Г. Берг, Ранке высказывается «противоречиво и, очевидно, лишь неохотно» [Berg 1968: 212], используется им наряду с синонимичным понятием «дивинация» — одним из ключевых терминов герменевтики Ф. Шлейермахера.
- 2 Парадокс заключается в том, что размежевание с системами немецкого идеализма, развивающими мысль Канта об «идее мировой истории, имеющей некоторым образом априорную путеводную нить» [Кант 1994а: 28], признается большинством знатоков немецкого историзма и герменевтики основным поворотным пунктом возникновения немецкой исторической школы. Ср.: «Отказ от априорного конструирования мировой истории есть как бы ее свидетельство о рождении» [Гадамер 1988: 248]; «Представители исторической школы были самыми значительными и явными противниками Гегеля» [Rothacker 1930: 41]. Наиболее систематически проработанная критика априорного философского подхода к истории, на наш взгляд, изложена самим Ранке в его лекционном курсе 1831 г. «Идея всемирной истории» [Ranke: 1975b].
- 3 «Послекантовская философия истории, отталкиваясь от основных мыслей Канта, была систематически разработана Фихте, Шеллингом, Гегелем и приобрела мощное и обширное влияние в эпоху, когда вождем главной линии немецкой исторической науки был Леопольд фон Ранке. Благодаря образцовому и глубокому влиянию Ранке существенные части этой философии, особенно учение об идеях, оценка государства и индивида, вошли в историческое мировоззрение его учеников, а затем их учеников, поэтому они все еще господствуют в широких кругах профессиональных историков, причисляющих себя к школе Ранке, но по большей части как практические воззрения, лишенные связи с той философской системой, из которой они возникли» [Bernheim 1907: 28; ср.: Бернгейм 1908: 21–22]. Позднее сходные оценки высказывал также Э. Трёльч [1994: 231–232].

ному наблюдению. <...> Следовательно, надо идти одновременно двумя путями: искать историческую истину, беспристрастно, критически изучать то, что происходило, и затем соединять обнаруженное, интуитивно постигая (*das Ahnden*) то, что этим средствам недоступно» [Гумбольдт 1985: 292, 294].

На влияние Савиньи, Гегеля и, прежде всего, Вильгельма фон Гумбольдта на творчество Ранке указывает в своей речи, посвященной памяти учителя (1886), историк Генрих фон Зибель [Henz 2014, I: 378]. Последовательно в пользу чрезвычайной близости концепций разворачивания «идей» в истории, сформулированных Гумбольдтом и Ранке, высказался Рихард Фестер, заключивший, что «теория идей Гумбольдта и Ранке совпадает во всех существенных моментах»¹. Поворотная роль Гумбольдта — «Бэкона исторических наук», по выражению Дройзена [2004: 457] — в истории современной историографии вытекает, согласно Фестеру, из характера его решения проблемы взаимоотношения истории рода и истории индивида, избегающего как крайностей философии истории Гегеля, где идея Канта о том, что в ходе всемирной истории можно говорить лишь о развитии вида, достигла своего кульминационного выражения, так и индивидуалистически ориентированных авторов, таких как Гердер. «Тот факт, что Гумбольдт, размышлявший в то же время, что и Гегель, в отличие от всех философов истории и тем не менее исходя из тех же идеалистических предпосылок, пришел к взгляду, согласно которому не пренебрегалось ни видом, ни индивидом, закрепляет его положение в конце философии истории немецкого идеализма. Атака на телеологические исторические конструкции немецкой философии, успешно осуществленная кантианским оружием, ставит его в начало новой фазы развития нашей науки» [Fester 1891: 248]. Подобную же сбалансированную позицию отношений между индивидом и структурами «объективного духа» мы находим у Ранке. С одной стороны, он видел в человеке главную движущую силу истории: «В людях манифестируется Господь. <...> Не учение изменяет мир, но великие личности» [Ranke 1890: 570]. С другой стороны, индивиды всегда также ограничены объективными условиями: «Личности принадлежат к моральному миропорядку, в котором они полностью принадлежат себе. Они живут

1 [Fester 1891: 254.] Здесь же он предположил, что доклад Гумбольдта, напечатанный в 1822 г., едва ли мог быть доступен молодому Ранке, и он познакомился с ним лишь в 1841 г., когда тот был опубликован в первом томе собрания сочинений В. фон Гумбольдта. Т. е. Ранке сформулировал свою теорию идей в значительной степени самостоятельно. Эта оценка, насколько мы можем судить, до настоящего времени не была никем серьезно оспорена.

самостоятельной жизнью, обладая самобытной силой. События развиваются в столкновении индивидуальной силы с объективными условиями мира. Их успехи — мера их силы»¹. Наконец, позиции В. фон Гумбольдта и Ранке совпадают в понимании истории как дисциплины, родственной философии и искусству, причем анализ литературных особенностей письма Ранке образует в научно-исследовательской традиции фактически отдельное направление². «Он был великим художником» — так лаконично резюмировал Дильтей эту сторону творчества Ранке [Дильтей 2004: 146]. Текст «Великих держав» является, кроме того, яркой иллюстрацией того, какую весомую роль Ранке придает культуре и, прежде всего, литературе как фактору исторического процесса в целом и политической самостоятельности государств в частности.

Завершая это небольшое введение в специфику историографии Ранке, нельзя не затронуть также религиозно-метафизические представления, играющие важную роль в его модели истории и миссии историка. Уже молодой Ранке в письме к брату Генриху (III. 1820) восклицает, гипотетически обращаясь к Фихте: «Эта любовь к прошлой жизни, а именно к ее идее, это внутреннее побуждение и познание античности в ее глубине ведет к Богу. <...> Бог обитает, живет и может быть познан во всей истории. Каждое деяние свидетельствует о нем, каждый миг проповедует его Имя, но более всего — взаимосвязь большой истории. Она предстает как священный иероглиф, понятый и сохраненный в максимально возможной степени, возможно для того, чтобы не быть потерянным для будущих веков. Вперед! Как бы там ни было, все дело в том, насколько мы в своей части раскроем этот иероглиф! Именно так мы служим

1 Цит. по: [Masur 1926: 99]. Фридрих Майнеке в своем проникательном сопоставлении позиций Ранке и его ученика Якоба Буркхарда расставляет акценты несколько иначе, полагая, что они представляют собой различные позиции, восходящие, однако, к общему истоку немецкого идеализма. Ранке, называющий государства «духовными сущностями» и «мыслями Бога», выступает как представитель «объективного идеализма» и сторонник «объективного духа» Гегеля, тогда как Буркхард — как сторонник «субъективного идеализма», который продолжает линию либерализма раннего Вильгельма фон Гумбольдта. Он «исходит из индивида, из субъективного сознания нравственной свободы отдельного человека, из прав и обязанностей личности, чью свободу необходимо защищать от давления враждебного окружающего мира». И если для Буркхарда «всякая власть сама по себе есть зло», то для Ранке, согласно его собственной формулировке, «во власти самой по себе является духовная сущность, изначальный гений, который обладает своей собственной жизнью» [Meinecke 1948: 11-12].

2 [Meinecke 1948: 32-36; Filda 1996: 296-410 и его библиографические указания: Op. cit.: 296 (Anm.); Уайт 2002: 195-225.]

Господу, именно так мы являемся священниками, так мы являемся учителями» [Ranke 1890: 89-90]. В этом понимании Ранке истории как проявления Бога во времени проявляется влияние Фихте, оказавшего большее влияние на молодого историка, записавшего в своем конспекте работ философа: «Вся являющаяся нам жизнь основана на божественной идее; определенная ее часть познаваема» — положение, которое Д. Фулда называет «фундаментальным принципом исторической герменевтики Ранке» [Fulda 1996: 333]. Аналогичные идеи были широко представлены в романтической герменевтике того времени в целом, включая, например, следующее положение герменевтической теории Ф. Аста: «Всякая жизнь есть дух» [Op. cit.: 335]. Разумеется, такое понимание истории фундирует как ее связность и континуальность, так и герменевтические возможности понимания других людей — их текстов и поступков. Впрочем, такого рода «эпистемологическая теология» не является чем-то уникальным. Революционное обновление естествознания в период раннего Нового времени, собственно, и возникает как проект богопознания [см.: Groh 2010]. Когда голландский натуралист XVII в. Ян Сваммердам торжественно объявляет: «Я докажу вам существование божественного провидения, анатомируя вошь» [цит. по: Вебер 1999: 717], это прямо соответствует уже цитированному высказыванию Ранке: «история познает бесконечное в любой экзистенции, в любом состоянии, в любом существе; [всюду видит она] нечто вечное, исходящее от Бога» [Ranke 1975b: 77]. Христианское учение о сотворении мира из ничего всемогущим разумным «архитектором мира» сыграло важнейшую роль в появлении как современного естествознания, так и современной историографии, сформировав представление о единстве и континуальности мира, демонтировав тем самым дуализм начал (материя и идея/форма), лежащих в основе античной метафизики. Как справедливо отмечает А. Мегилл, при всей вариативности и даже эклектичности современной историографии в ее фундамент заложено особое «онтологическое» предположение — «предположение о безусловном единстве мира» [Megill 1995: 151]. Здесь мы не будем вдаваться в вопрос о том, каким образом эпистемологическая теология в духе Ранке может быть секуляризована с сохранением данного базового допущения¹. В его

1 Кратко можно сказать, что эта секуляризация осуществляется в рамках разработки понятия «развития», которое Ф. Майнеке (2004) считал одним из двух определяющих для историзма как такового — наряду с понятием «индивидуальности». Смысл этого понятия, на наш взгляд, наилучшим образом сформулировал А. Ригль: «Историческим мы называем все, что когда-то было, а сегодня уже не существует; согласно самым современным представлениям, мы связываем с ним еще и другое соображение:

собственном понимании, однако, миссия историка имеет не только характер своего рода богослужения, как показывают процитированные строки из письма 1820 г. Сама оптика историка должна быть настроена таким образом, чтобы стремиться совпасть с перспективой божественного взгляда на мир: «Мне представляется, — говорит он, — что Божество, существуя вне времени, обозревает все историческое человечество в его целом и всюду считает его одинаково ценным. <...> перед Богом все поколения человечества являются равноправными, и так должен смотреть и историк» [Ранке 1898: 5]. Ближайшим образом этот тезис критически направлен против Гегеля. Замысел его философии истории Ранке описывает следующим образом: «Мировой дух вершит свой ход путем необходимого развития, отказываясь от индивидов и принося их в жертву. Он использует, как говорит Гегель, своего рода хитрость против индивидов, действующих в мировой истории (*die welthistorischen Individuen*), он позволяет им преследовать свои собственные цели со всей яростью своей страсти, тогда как он, дух, тем самым движет сам себя». И хотя Ранке признает подобный подход Гегеля «грандиозным» и «гигантским», учитывая силы, приложенные для его реализации создателем этой системы, он отказывается его принять. Основная причина — превращение живых индивидов в простое орудие мирового духа: «Все дело в том, что такой взгляд противоречит истине индивидуального сознания». С точки зрения философии Гегеля история — «это история становящегося Бога». «Я же со своей стороны, — подчеркивает Ранке, — верю в того, кто был, и есть, и будет, а также бессмертную по своему существу природу индивидуального человека, в живого Бога и в живого человека» [Kessel 1954: 306-307]. Именно подобное представление о ценности индивидуальной жизни, имеющее отчасти общехристианское, отчасти лютеранское происхождение, приводит Ранке к отрицанию европоцентричного

когда-то бывшее никогда не может повториться, и все случившееся когда-то образует незаменимое и незблемое звено цепи развития, или, другими словами, все последующее обусловлено предыдущим и не смогло бы произойти именно таким образом, как фактически случилось, если бы это предыдущее звено не предшествовало ему. Сущность любой современной точки зрения на историю образует как раз *идея развития*. Следовательно, согласно современным понятиям, любая человеческая деятельность и каждая человеческая судьба, о которых сохранились свидетельства или информация, без исключения претендуют на историческую ценность: любое происшествие, случай в истории мы считаем в принципе незаменимым, уникальным» [Ригль 2018: 11-12]. Иными словам, «любая экзистенция» в истории важна потому, что история контингентна, и все, что в ней случается, обусловлено взаимодействием всех наличных единичностей.

рационалистического унитаризма и появлению концепции поликультурного и многополярного мира.

Пессимистические взгляды на ход истории в целом и ряд ее основных аспектов полярно противоположны рационалистическому оптимизму, продолжающему питаться духом и идейным наследием эпохи Просвещения. Ранке, а также различные версии историзма и политического реализма, которые восходят к его кругу идей, занимает, таким образом, срединную позицию между этими крайностями. Подобное положение вполне соответствует его собственному представлению о месте на карте современных мировоззрений, которое он стремился удерживать не только лично, но и считал логично следующим и даже необходимым для позиции ученого-историка.

Библиография / References

Бузескул В. (1926) Из истории критического метода. Ранке и Штенцель. *Известия АН СССР*. Сер. 6, 20(12): 1121-1138.

— Buzeskul V. (1926) From the History of the Critical Method. Ranke and Stenzel. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences*. Series 6, 20(12): 1121-1138. — in Russ.

Бернгейм Э. (1908) *Введение в историческую науку*. М.: Изд. М. Н. Прокоповича.

— Bernheim E. (1908) *Introduction to Historical Science*. Moscow: Publishing House of M. N. Prokopovich. — in Russ.

Вебер М. (1990) Наука как призвание и профессия. Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 707-735. EDN: SHERSF

— Weber M. (1990) Science as a Vocation and Profession. *Weber M. Selected Works*. Moscow: Progress: 707-735. — in Russ.

Гадамер Х.-Г. (1988) *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс. EDN: OLSMGR

— Gadamer H.-G. (1988) *Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics*. Moscow: Progress. — in Russ.

Графтон Э. (2006) От полигистора к филологу (как преобразилась немецкая наука об античности в 1780-1850-е годы). *Новое литературное обозрение*, 6: 59-92. EDN: MTDMKN. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/ot-poligistora-k-filologu.html>

— Grafton A. (2006) From Polyhistorian to Philologist (How German Science of Antiquity Was Transformed in the 1780-1850s). *New Literary Review*, 6: 59-92. — in Russ. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/ot-poligistora-k-filologu.html>

Гумбольдт В. фон. (1985) О задаче историка. фон Гумбольдт В. *Язык и философия культуры*. М.: Прогресс: 292-306.

— Humboldt W. von. (1985) On the Task of the Historian. *von Humboldt W. Language and Philosophy of Culture*. Moscow: Progress: 292-306. — in Russ.

Дильтей В. (2004) Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. *Построение исторического мира в науках о духе*. М.: Три квадрата.

— Dilthey W. (2004) Collected Works: in 6 volumes. Vol. 3. *Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit*. Moscow: Tri Kvadrata. — in Russ.

Дройзен И. Г. (2004) Очерк истории. *Дройзен И. Г. Историки*. СПб.: Владимир Даль: 450-573. EDN: QOUVIF

— Droysen J. G. (2004) Essay on History. *Droysen I. G. Historika*. St. Petersburg: Vladimir Dal: 450-573. — in Russ.

Егоров Д. (2015) Образ Л. Ранке в англоязычной литературе новой интеллектуальной истории. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, (4): 15-21. EDN: UMXGDF. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2015-4-15-21>

— Egorov D. (2015) The Image of L. Ranke in the Russian-Language Literacy of the New Intellectual History. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, (4): 15-21. — in Russ. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2015-4-15-21>

Инглхарт Р. (2018) *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль.

— Inghart R. (2018) *Cultural Evolution. How Magnetic Motivations Change and How This Changes the World*. Moscow: Mysl. — in Russ.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия*. Москва: Новое издательство. EDN: QOMHTL

— Inghart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change and Democracy*. Moscow: Novoye Izdatelstvo. — in Russ.

Кант И. (1994а) Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. *Кант И. Сочинения. В 8 т.* Т. 8. М.: Чоро: 6-28.

— Kant I. (1994a) The Idea of General History in the World-Civil Peace. *Kant I. Works. In 8 volumes*. Vol. 8. Moscow: Choro: 6-28. — in Russ.

Кант И. (1994б) К вечному миру. Философский проект. *Кант И. Сочинения. В 8 т.* Т. 7. М.: Чоро: 6-56.

— Kant I. (1994b) Towards Eternal Peace. Philosophical Project. *Kant I. Works. In 8 volumes*. Vol. 7. Moscow: Choro: 6-56. — in Russ.

Куренной В. (2020а) Институциональная теория модерна: Иоганн Густав Дройзен. *Логос*, 6: 41-90. EDN: IENKCK. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-6-41-90>

— Kurennoy V. (2020a) Institutional Theory of Modernity: Johann Gustav Droysen. *Logos*, 6: 41-90. — in Russ. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-6-41-90>

Куренной В. (2020б) Философия либерального образования: принципы. *Вопросы образования*, 1: 8-39. EDN: LAVGUA. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-8-39>

— Kurennoy V. (2020b) Philosophy of liberal education: principles. *Educational issues*, 1: 8-39. — in Russ. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-8-39>

Курилла И. (2018) *История, или Прошлое в настоящем*. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб. EDN: YRQRDN

— Kurilla I. (2018) *History, or the Past in the Present*. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg. — in Russ.

Липовецкий Ж. (2001) *Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме*. СПб: Владимир Даль.

— Lipovetsky G. (2001) *The Era of Emptiness. Essay on Modern Individualism*. St. Petersburg: Vladimir Dal. — in Russ.

Люббе Г. (2016) *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. EDN: OECHTF

— Lubbe H. (2016) *In Step with the Times. A Shortened Stay in the Present*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. — in Russ.

Люббе Г. (1994) Что значит: «Этому можно дать только историческое объяснение»? *THESIS*. Вып. 4: 213-222. URL: https://www.hse.ru/data/428/313/1234/4_4_2Lubbe.pdf

— Lubbe H. (1994) What Does It Mean: "This Can Only Be Given a Historical Explanation"? *THESIS*. Issue 4: 213-222. — in Russ. URL: https://www.hse.ru/data/428/313/1234/4_4_2Lubbe.pdf

Майнеке Ф. (2004) *Возникновение историзма*. М.: РОССПЭН. EDN: QOCZPR

— Meineke F. (2004) *The Emergence of Historicism*. М.: ROSSPEN. — in Russ.

Марквард О. (2001) Искусство как антификция — опыт о превращении реального в фиктивное. *Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета: 217-242.

— Marquard O. (2001) Art as Anti-Fiction: An Experiment in the Transformation of the Real into the Fictional. *German Philosophical Literary Criticism of Our Time. Anthology*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University: 217-242. — in Russ.

Мегилл А. (2007) *Историческая эпистемология*. М.: Канон+, РООИ Реабилитация. EDN: VXICQT

— Megill A. (2007) *Historical Epistemology*. М.: Canon+, ROOI Rehabilitation. — in Russ.

Оукшот М. (2002) Деятельность историка. *Рационализм в политике и другие статьи*. М.: Идея-Пресс: 128-152. EDN: TSPQPB

— Oakeshott M. (2002) The Activity of the Historian. *Rationalism in Politics and Other Articles*. М.: Idea-Press: 128-152. — in Russ.

Пирс Ч. С. (2000) Как сделать наши идеи ясными. *Пирс Ч. С. Начала прагматизма*. СПб.: Алетейя: 125-154.

— Pierce Ch.S. (2000) How to Make Our Ideas Clear. *Pierce C. S. Principles of Pragmatism*. St. Petersburg: Aletheia: 125-154. — in Russ.

Поле Р. (2021) *Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890-1933)*. СПб.: Владимир Даль. EDN: MDIIZH

— Field R. (2021) *Plato as an Educator. The Platonic Renaissance and Anti-Modernism in Germany (1890-1933)*. St. Petersburg: Vladimir Dal. — in Russ.

Ранке Л. фон. (1898) *Об эпохах новой истории. Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану в 1854 г.* М.: тип. И. А. Баландина.

- Ranke L. von. (1898) *On the Epochs of Modern History. Lectures Delivered to the Bavarian King Maximilian in 1854*. Moscow: typography of I. A. Balandin. — in Russ.
- Реквиц А. (2022) *Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна*. М.: Директмедиа.
- Rekwitz A. (2022) *The Society of Singularities. On Structural Changes in the Modern Era*. Moscow: Directmedia. — in Russ.
- Ригль А. (2018) *Современный культ памятников: его сущность и возникновение*. М.: ЦЭМ, V-A-C press.
- Riegl A. (2018) *The Modern Cult of Monuments: Its Essence and Origin*. Moscow: СЕМ, V-A-C press. — in Russ.
- Трёлльч Э. (1994) *Историзм и его проблемы*. М.: Юрист.
- Troeltsch E. (1994) *Historicism and Its Problems*. Moscow: Jurist. — in Russ.
- Тротман-Валлер С. (2009) Филология вещей или филология слов? История одного спора и его сегодняшние продолжения. *Новое литературное обозрение*, 2: 28-41. EDN: MTDVIL
- Trotman-Waller C. (2009) Philology of Things or Philology of Words? The History of One Dispute and Its Today's Continuations. *New Literary Review*, 2: 28-41. — in Russ.
- Уайт Х. (2002) *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- White H. (2002) *Metahistory: Historical Imagination in 19th-Century Europe*. Ekaterinburg: Ural University Press. — in Russ.
- Фихте И. Г. (1995) Несколько лекций о назначении ученого. *Фихте И. Г. Соч. Работы 1972-1801 гг.* М.: Ладомир: 480-522.
- Fichte J. G. (1995) Several Lectures on the Purpose of a Scientist. *Fichte I. G. Works. Works 1972-1801*. Moscow: Ladomir: 480-522. — in Russ.
- Черноперов В., Усманов С. (2021) *Леопольд фон Ранке — жизнь и творческое наследие*. Иваново: Иван. гос. ун-т. EDN: NHYQOS
- Chernoperov V., Usmanov S. (2021) *Leopold von Ranke — Life and Creative Legacy*. Ivanovo: Ivanovo State University. — in Russ.
- Acton L. (1886) German Schools of History. *The English Historical Review*, 1(1): 7-42. <https://www.jstor.org/stable/546982>
- Ankersmit F. R. (1989) Historiography and Postmodernism. *History and Theory*, 28(2): 137-153. <https://doi.org/10.2307/2505032>
- Beiser F. C. (2011) *The German Historicist Tradition*. Oxford: Oxford University press.
- Berg G. (1968) *Leopold von Ranke als akademischer Lehrer. Studien zu seinen Vorlesungen und seinem Geschichtsdenken*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Bernheim E. (1907) *Einleitung in die Geschichtswissenschaft*. Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung.
- Boldt A. D. (2019) *Leopold von Ranke: A Biography*. New York: Routledge.

Boldt A. (2014) Ranke: objectivity and history. *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. <https://doi.org/10.1080/13642529.2014.893658>

Breisach E. (2007) *Historiography: Ancient, Medieval, and Modern*. University of Chicago Press.

Brocke B. vom (1999) Wege aus der Krise: Universitätsseminar, Akademiekommission oder Forschungsinstitut. Formen der Institutionalisierung in den Geistes- und Naturwissenschaften 1810-1900-1995. König C., Lämmert E. (Hg.) *Konkurrenten in der Fakultät: Kultur, Wissen und Universität um 1900*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch: 191-215. <https://doi.org/10.1515/9783110928990-029>

Eševskij S. (1968) Bericht über die Vorlesung Rankes (1859/60). Berg Gunter. *Leopold von Ranke als akademischer Lehrer: Studien zu seinen Vorlesungen und seinem Geschichtsdenken*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht: 219-220.

Fester R. (1891) Humboldt's und Ranke's Ideenlehre. *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. Bd. 6: 235-256.

Fries J. (1804) *System der Philosophie als evidente Wissenschaft*. Leipzig: bey Johann Conrad Hinrich.

Frobenius L. (1921) *Paideuma. Umriss einer Kultur- und Seelenlehre*. München: C. H. Beck.

212

Fulda D. (1996) *Wissenschaft aus Kunst: Die Entstehung der modernen deutschen Geschichtsschreibung 1760-1860*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.

Helmolt H. F. (1921) *Leopold Rankes Leben und Wirken*. Leipzig: Historia-Verlag Paul Schraepfer.

Henz G. J. (2014) *Leopold von Ranke in Geschichtsdenken und Forschung*. Bd. I-II. Berlin: Duncker & Humblot.

Iggers G. G., Powell J. M. (Eds.) (1990) *Leopold von Ranke and the Shaping of the Historical Discipline*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.

Kessel E. (1954) Rankes Idee der Universalhistorie. *Historische Zeitschrift*. Bd. 178. H. 2: 269-308. <https://doi.org/10.1524/hzhz.1954.178.jg.269>

Meinecke F. (1948) *Ranke und Burckhardt*. Berlin: Akademie-Verlag.

Masur G. (1926) *Rankes Begriff der Weltgeschichte*. München, Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg.

Megill A. (1995) 'Grand Narrative' and the Discipline of History. Ankersmit F., Kellner H. (Eds.) *New Philosophy of History*. London: Reaktion Books: 151-173.

Mommsen W. J. (1974) *Max Weber und die deutsche Politik, 1890-1920*. Tübingen: Mohr.

Neugebauer W. (2018) *Preußische Geschichte als gesellschaftliche Veranstaltung: Historiographie vom Mittelalter bis zum Jahr 2000*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.

Peirce Ch. S. (1934) *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. Ed. by Charles Hartshorne and Paul Weiss. Vol. V: Pragmatism and Pragmaticism. Cambridge: Harvard University Press. URL: <https://colorysemiotica.files.wordpress.com/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf>

Poiss T. (2009) Die unendliche Aufgabe. August Boeckh als Begründer des Philologischen Seminars. Baertschi A. M., King C. G. (Hg.) *Die modernen Väter der*

Antike: Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts. Transformationen der Antike. Hg. von Böhme Hartmut et al. Bd. 3. Berlin, New York: Walter de Gruyter: 45-72. <https://doi.org/10.1515/9783110210422.45>

Ranke L. von. (1975a) [Einleitung zu einer Vorlesung über Neuere Geschichte. Geschichtswissenschaft und Parteienstandpunkt]. von Ranke L. *Aus Werk und Nachlass.* Hg. von Dotterweich V. und Fuchs W.P. Bd. IV. München, Wien: R. Oldenbourg: 294-298.

Ranke L. von. (1975b) Idee der Universalhistorie. von Ranke L. *Aus Werk und Nachlass.* Hg. von Dotterweich V. und Fuchs W.P. Bd. IV. München, Wien: R. Oldenbourg: 72-89.

Ranke L. von. (1975c) [Deutsche Geschichte]. von Ranke L. *Aus Werk und Nachlass.* Hg. von Dotterweich V. und Fuchs W.P. Bd. IV. München, Wien: R. Oldenbourg: 164-178.

Ranke L. von. (1890) *Zur Eigenen Lebensgeschichte.* Hg. von A. Dove. Leipzig: Duncker und Humblot.

Ranke L. von. (1885) *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514.* 3. Aufl. Leipzig: Duncker & Humblot.

Ranke L. von. (1881) *Weltgeschichte.* I. Th. 2. Aufl. Leipzig: Verlag von Dunkler & Hmblot.

Ranke L. (1824) *Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber.* Leipzig und Berlin: G. Reimer.

Rothacker E. (1930) *Einleitung in die Geisteswissenschaften.* 2. Aufl. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

Savigny F. C. von. (1850) Wesen und Werth der Deutschen Universitäten. *Savigny F. C. von. Vermischte Schriften.* Bd. 4. Berlin: Bei Veit und Comp: 270-308.

Schröder W. A. (2009) Immanuel Bekker — der unermüdliche Herausgeber vornehmlich griechischer Texte. *Baertschi A. M., King C. G. (Hg.) Die modernen Väter der Antike: Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts.* Transformationen der Antike. Hg. von Böhme Hartmut et al. Bd. 3. Berlin, New York: Walter de Gruyter: 329-368. <https://doi.org/10.1515/9783110210422.329>

Schubert I. (2021) *Eine kurze Geschichte des Historismus: Moderne Geschichtsdiskurse in Philosophie, Geschichtswissenschaft und Literatur.* Bielefeld: Aisthesis Verlag.

Schulze G. (2005) *Die Erlebnisgesellschaft. Kulturosoziologie der Gegenwart.* Frankfurt a. M./New York: Campus.

Steenblock V. (1991) *Transformationen des Historismus.* München: Fink.

Wolf F. A. (1807) *Darstellung der Altertumswissenschaft nach Begriff, Umfang, Zweck und Werth.* Berlin: Realschulbuchhandlung.

Куренной Виталий Анатольевич — кандидат философских наук, профессор, директор Института исследований культуры Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: философия, исследования культуры. ORCID: 0000-0002-7198-0910. E-mail: vkurennoj@hse.ru

Vitaliy A. Kurennoy — candidate of philosophy, professor, Director of the Institute for Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. Research interests: philosophy, cultural studies. ORCID: 0000-0002-7198-0910. E-mail: vkurennoj@hse.ru